

© А.В.КОСТЮК, 2014
УДК [614.4:355](091)(470)

Противоэпидемическое обеспечение Российского флота в XVIII веке

КОСТЮК А.В. (koalla-medhist@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет

Противоэпидемическое обеспечение отечественного флота в XVIII в. являлось частью государственных мероприятий по охране территории Российской империи от проникновения опасных инфекционных заболеваний. Понимая, какую роль флот мог играть в распространении инфекции, руководство страны стремилось предупредить ее занесение со стороны моря. Следуя этой задаче, в начале 20-х гг. XVIII в. оно организовало на островах Финского залива Сескар и Вульф санитарно-карантинные пункты, где задерживались корабли, следовавшие из неблагоприятных в эпидемическом отношении районов, прежде чем те приставали к российскому берегу. Со временем, когда был создан Черноморский флот, аналогичные пункты появились в Очакове, Севастополе, Феодосии, Евпатории и Керчи. В XVIII в. санитарное законодательство пополнилось целым рядом нормативных актов, связанных с деятельностью флота. В частности, в период правления Петра I были составлены противоэпидемические правила, которые, как стало известно, просуществовали около 60 лет. В 1786 г. в свет вышел свод карантинных правил, призванных упорядочить работу санитарно-карантинных пунктов. Большое значение для охраны российских границ от проникновения инфекционных заболеваний имело своевременное оповещение об эпидемиях, вспыхнувших за рубежом. Сотрудничая с европейскими государствами в области профилактики и борьбы с заразными болезнями, Россия успешно развила методы противоэпидемической защиты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: противоэпидемическое обеспечение флота, мероприятия по предупреждению и борьбе с опасными инфекционными заболеваниями, эпидемии, карантин, санитарное законодательство.

Kostyuk A.V. – Disease control on the Russian Fleet in XVIII century. Disease control in domestic fleet in XVIII century was a part of government measures concerning protection of the territory of the Russian Empire from the penetration of dangerous infectious diseases. Understanding the role fleet could play in the spread of infection, the government sought to prevent its entry from the sea. Following this task, in the early 20-s of XVIII century on islands of the Gulf Seskar and Wolf organized sanitary quarantine stations where ships from unfavorable in relation to the epidemic areas stayed before they pester the Russian shore. Eventually when the Black Sea Fleet was created, similar items appeared in Ochakov, Sevastopol, Feodosia, Yalta and Kerch. In XVIII century health legislation was supplemented by a number of regulations relating to the activities of the fleet. In particular, during the reign of Peter I epidemic rules were composed, which, as it became known, lasted for about sixty years. In 1786, the band released a set of quarantine rules designed to streamline the work of sanitary and quarantine stations. Important for protection against the penetration of Russian borders infectious diseases had timely warning of epidemics broke out abroad. Cooperating with European countries in the prevention and control of communicable diseases, Russia has successfully developed methods antiepidemic protection.

К е у в о р д s: Disease control on the Fleet, measures against dangerous infectious diseases, epidemics, quarantine, sanitary legislation.

К началу XVIII столетия в России сложилась целая система мероприятий по борьбе с опасными инфекционными заболеваниями – моровыми поветриями», как их тогда называли. Отлаженная веками, она включала в себя создание карантинных и заградительных кордонов, изоляцию войсковыми частями неблагопо-

лучных в эпидемическом отношении районов, дезинфекцию очагов заражения посредством окуривания, проветривания и вымораживания, а также захоронение умерших от инфекции на большой глубине в специально отведенных местах. Сохранилось, к примеру, любопытное свидетельство о введении в 1572 г. карантин-

но-ограничительных мер во время эпидемии чумы в Новгороде: «Которые люди есть на них знамя смертоносное у церкви погребати не велети, а велели их из Новгорода выносить вон... за шесть верст по Волхову вниз... И поставили заставы по улицам и сторожей, в которой улице человек умрет знамением, и те двory запирали и с людьми и кормили тех людей улицей и отцам духовным покаивати тех людей знаменных не велели» [10]. Однако отсутствие научных знаний о причинах возникновения заразных болезней порождало неверное представление об инфекции как о наказании, ниспосланном разгневанным Богом. Поэтому параллельно с противоэпидемическими мероприятиями проводились религиозные обряды.

Создание Российского флота в XVIII в. способствовало расширению горизонтов общения с зарубежными государствами, а также учащению международных контактов, что, в свою очередь, повышало риск проникновения извне на территорию России опасных инфекционных заболеваний. В связи с этим появилась необходимость принятия мер, направленных на предупреждение занесения инфекции морским путем.

После того, как русские войска нанесли шведам сокрушительный удар в битве под Полтавой и добились их капитуляции у Переволочны, военные действия активизировались в Прибалтике. Осенью 1709 г. под командованием фельдмаршала Б.П.Шереметева (1652–1719) началась осада Риги, продолжавшаяся до середины следующего года. Положение осажденных рижан, вынужденных терпеть лишения и интенсивную бомбардировку, усугублялось вспыхнувшей эпидемией чумы. Описанию бедствий, постигших тогда город, нашлось место в сохранившихся дневниковых записях одного из рижских обывателей: «Нужда в городе очень усиливается: быстро растет голод как между гарнизоном, так и между горожанами, смертность также сильно продолжается... Чума с каждым днем увеличивается и, к несчастью, уже люди падают на улицах. Кажется, не хватит живых, чтобы погребать умерших» [4]. Менее чем за девять месяцев, пока длилась осада, от

голода и болезней в Риге погибло около 60 тыс. жителей [1].

В мае 1710 г. чума проникла в русский осадный корпус. Опережая события, отметим, что до конца года она привела к смерти примерно 9800 человек [15]. Узнав о появлении чумы, Петр I поспешил принять меры по предупреждению ее дальнейшего распространения. 18 августа он подписал указ на имя капитан-поручика гвардии А.И.Ушакова с требованием проконтролировать правильность проведения передислокации войск, расположенных вблизи Риги. Ушакову надлежало выяснить и доложить царю о том, размещены ли воинские подразделения и части на безопасном расстоянии друг от друга и обеспечены ли они необходимыми медикаментами [6].

Историческая справедливость требует заметить, что эпидемия чумы свирепствовала также в ряде других прибалтийских городов – Дюнамюнде, Пернау, Ревеле и Нарве. В целях недопущения заноса чумы на территорию России, угроза которого реально существовала, на дорогах, ведущих в Санкт-Петербург и Новгород, организовали кордоны. Помимо этого, вдоль реки Луги были расставлены роты солдат, следивших за тем, чтобы никто не нарушал запрета на судоходство [6]. Ко времени проведения этих профилактических мероприятий относилось и находилось с ними в тесной связи издание высочайшего указа, предписывавшего командирам кораблей незамедлительно сообщать в Адмиралтейскую канцелярию о всех случаях скорострительной смерти и «об умерших от язв»¹. Между тем приходится признать, что, несмотря на принятые меры предосторожности, в 1710 г. избежать проникновения чумы в Россию не удалось.

По истечении десяти лет эпидемия вновь угрожала Европе. Летом 1720 г. чума поразила французский портовый город Марсель. Согласно одной из версий, во Францию ее завезли члены экипажа торгового судна, принадлежавшего Ж.-Б.Шато. Так или иначе, но именно этого чело-

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 234 (Канцелярия адмирала К.И.Крюйса), оп. 1, д. 24, л. 104.

века объявили виновником появления болезни, за что осудили и приговорили к казни. Осенью того же года эпидемия чумы в Марселе достигла таких масштабов, что уже тысячи трупов заполняли городские улицы. Вскоре в пределах эпидемического очага оказались другие города Прованса, например Экс, Арль и Тулон. Общее число умерших от чумы в 1720–1722 гг. составило 87 659 человек из 247 890 жителей охваченных ею поселений, т. е. 35% [17].

Вероятность распространения эпидемии, вспыхнувшей во Франции, вызывала серьезные опасения в западноевропейских государствах. Из страха перед чумой в Швеции постановили сжигать все без исключения товары, привозимые из средиземноморских портов. В ущерб собственным коммерческим интересам Англии и Голландия временно отказались от торговли с Францией [17]. Реакция России на полученное известие о «морю поветрии» также последовала и заключалась в нижеследующем.

7 октября 1720 г. Петр I указал президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу Ф.М.Апраксину проявлять бдительность в отношении кораблей, прибывающих из Франции, подвергая их тщательному санитарному осмотру. По примеру Пруссии в России ужесточили контрольно-пропускной режим. Судам, не имевшим паспорта, прохождение в российские порты запрещалось, остальным надлежало выдержать карантин в отведенном для этого месте. Сохранилось служебное письмо исполнявшего в то время обязанности руководителя медицинского ведомства в России И.Л.Блюментроста (1676–1756), отправленное им в Адмиралтейств-коллегию, в котором он просил определить место для карантинной стоянки [12]. Данное обстоятельство наводит на мысль, что в рассматриваемом 1720 г. специальных пунктов, предназначенных для изолированного содержания неблагополучных в эпидемическом плане кораблей еще не существовало. Они, надо полагать, были основаны немногим позже, когда Петр I издал указ о строительстве на островах Финского залива Сескар и Вульф карантинных домов.

Указ, о котором идет речь, вышел 9 декабря 1721 г. Он гласил: «Для болящих, ежели которые придут из заповедных мест, построить Михаилу Самарину две светлицы и промеж их сени. И в сенях поварню и, отступя от тех светлиц сажень двести, поставить другие такие же светлицы, где жить лекарю и караульным. И чтоб оные больницы мерою были как светлицы. Так и сени по четыре, а лекарская и караульная промеж ними сени по три сажени. Также и от Ревеля на острову Вульф генерал-майору и обер-коменданту Фан-Делдину учинить такое же строение»².

Изучение материалов из архива Военно-морского флота позволило установить, что строительство карантинного дома на острове Сескар завершилось в августе 1723 г.³ При этом не удалось найти каких-либо сведений о строительных работах на острове Вульф, за исключением того, что В.Фан-Делдин неоднократно обращался в Адмиралтейств-коллегию с просьбой выделить необходимые инструменты и материалы. Однако, как явствует из источника, его ходатайства Коллегия оставила без внимания: «По присланному ко мне из Государственной адмиралтейской коллегии Его Императорского Величества указу велено на острове Вульфе построить светлицы и сени, и в сенях поварни для лекаря и караульных. Но понеже на то строение лес и стекла, топоры и гвоздья, и другие потребности откуда взять, о том во оном присланном ко мне Его Величества указе умолчено, а при Ревеле бревен и прочих припасов ничего не обретається. Но хотя я о том в помянутую Адмиралтейскую коллегию троекратно, а именно: декабря от 21-го, генваря в 4-е, февраля в 8-е число доносил, то на то никакого решения не получил и по сие число»⁴ (15 февраля 1722 г. – А. К.).

² РГА ВМФ, ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия), оп. 10, отд. III, д. 4, л. 384.

³ Там же, ф. 235 (Контора по строению канала имени Петра Великого, гаваней и зданий в Кронштадте), оп. 1, д. 154, л. 71.

⁴ Там же, ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М.Апраксина), оп. 1, д. 212, л. 180.

Тем не менее временем создания в Финском заливе санитарно-карантинных пунктов, задача которых состояла в организации и проведении мероприятий по предупреждению распространения на территории России опасных инфекционных заболеваний, следует считать начало 20-х гг. XVIII в. Подтверждением этому служит упоминание островов Сескар и Вульф в качестве изоляторов для заразных больных, содержавшееся в «Частии второй регламента морского», опубликованной в 1722 г. [19].

Противоэпидемические правила, изложенные в данном документе, достойны отдельного рассмотрения. Информация, полученная из архивных материалов, дает основание утверждать, что они действовали около 60 лет. Подкрепим это утверждение конкретными примерами. В 1733 г. Адмиралтейств-коллегия поставила на вид Ревельской конторе над портом, что та упустила время, испрашивая разрешение у Коллегии вывести на рейд брандвахту в связи с появившимся слухом о «моровом поветрии» в немецких городах Гамбурге и Любеке, вместо того, чтобы руководствоваться правилами: «Ежели, конечно, такая опасность нашлась бы, в таком случае (конторе. — А. К.), и не описываясь в Коллегию, ради предосторожности подлежало брандвахту приуготовлять и о том репортовать для того, что в регламенте коим образом в таких опасностях к предосторожности поступать точно изображено»⁵.

5 апреля 1744 г. под влиянием сообщений о «прилипчивой болезни», свирепствовавшей в Италии, вышел указ императрицы Елизаветы Петровны, подтвердивший силу положений регламента о мерах по обеспечению эпидемиологического благополучия населения России [14]. Месяц спустя, когда в Рижский порт из города Кальяри, расположенного на побережье острова Сардиния, прибыл голландский флейт, вице-губернатор Риги князь В.П.Долгоруков (1708–1761) получил распоряжение «отослать флейт в море и впредь с другими кораблями, которые приходят будут из опасных мест и в бли-

зости оных обретающихся, поступать по регламенту»⁶. О необходимости придерживаться соответствующих положений регламента ввиду поступившего известия о «нездоровом воздухе» в городе Данциге говорилось также в архивном документе, датированном 27 октября 1770 г.⁷ Вот еще один пример. Осенью 1779 г. Комиссия о коммерции, участвовавшая в обсуждении вопроса о строительстве карантинного дома в Кронштадте, запросила у Адмиралтейств-коллегии уведомление о том, «есть ли и какие именно в оной Коллегии положения для приходящих в Кронштадт из опасных мест кораблей». Адмиралтейств-коллегия со своей стороны заверила, что положения имеются, и сослалась на регламент⁸.

Перейдем непосредственно к противоэпидемическим правилам. Первое из них называлось «Как поступать с теми кораблями, которых на людях явится моровая язва». Согласно ему, прибывшие иностранные суда с инфекционными больными на борту надлежало отправлять обратно в море. В случае, если они по причине повреждений возвращались, их требовалось сжечь, а экипаж и пассажиров разместить на острове Сескар или Вульф для лечения и прохождения карантина. Отечественные корабли, в отличие от иностранных, в море не отправляли, но в остальном к ним применяли такие же меры. Второе правило гласило о том, что офицер на брандвахте при виде приближавшегося в гавань зарубежного судна был обязан выйти на шлюпке ему навстречу с целью выяснить пункт отправления судна. В случае, если оно пришло из неблагоприятного в эпидемическом отношении района, его следовало отправить к одному из карантинных островов. Третье правило распространялось на корабли, которые останавливались в «заповетренных местах». В соответствии с ним, они подлежали медико-санитарному досмотру доктора, отбывавшего службу на берегу. Корабли, признанные доктором эпидемиологически благополучными, разрешалось пропускать [19]. Как можно видеть, правила являлись просты-

⁶ Там же, д. 27, л. 87.

⁷ Там же, д. 6, л. 7.

⁸ Там же, д. 73, л. 94.

⁵ РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 2, л. 2.

ми, но эффективными, о чем свидетельствовало их долголетнее существование.

Работа с документами, отложившимися в архиве Военно-морского флота, позволила прийти к заключению, что в XVIII в. большую роль в защите российских границ от проникновения опасных инфекционных заболеваний играло своевременное оповещение о «морových поветриях», вспыхнувших за рубежом. Известия о потенциальной угрозе заражения, исходившей извне, являлись серьезным поводом для принятия в России необходимых мер предосторожности. Так, например, в 1726 г. одного только сообщения о начавшейся в Леванте и Лиссабоне эпидемии чумы оказалось достаточно для того, чтобы резко ограничить доступ иноземных судов в отечественные порты⁹.

Тревожную новость ко двору Екатерины I принес дипломатический представитель Пруссии в России барон Г. фон Мардефельд. 13 декабря вышеуказанного года он передал в Коллегию иностранных дел послание прусского короля Фридриха Вильгельма I (1688–1740), в котором тот выражал озабоченность безопасностью собственных границ и надежду на то, что «со стороны Ея Императорского Величества прилежащие учреждения уже учинены или еще чинятся»¹⁰. Причины волнения короля можно понять: в результате эпидемии чумы 1709–1710 гг. Пруссия лишилась около четверти населения [13]. Наибольший урон понесла восточная часть страны, где от болезни умерло более двухсот тысяч человек [3].

В ответ на полученное известие о «моровом поветрии» в Леванте и Лиссабоне Адмиралтейств-коллегия тотчас приказала объявить во всех российских портах о введении повышенного уровня готовности на случай прибытия кораблей из зачумленных мест. Руководствуясь известными правилами, следовало не допустить приставания к берегу неблагополучных в эпидемическом плане судов¹¹.

Между тем в феврале 1727 г. члены голландской Ост-Индской компании,

узнав, что Рижский и Ревельский порты временно закрыты для кораблей, идущих из Португалии, с которой у них имелись торговые отношения, обратились при посредничестве торгово-политического агента России в Амстердаме И.Фанденбурга в Коллегию иностранных дел с просьбой не ущемлять их коммерческие интересы. Коллегия пообещала снять запрет на прохождение в порты, но при условии, что ей представят доказательства безопасного для здоровья сообщения с Португалией: «Сколь скоро подлинные ведомости получены будут о утомлении того морового поветрия, было ли оное тамо или нет, или оное купечество Ост-Индской компании верно свидетельствует, что в Португалии такого морового поветрия нет, то немедленно о свободном пропуске в российские порты из тех мест кораблей и товаров указы пошлются»¹².

Немногим позже из Амстердама пришло письменное заверение И.Фанденбурга в том, что информация об эпидемии в Лиссабоне оказалась неверной. Как стало известно, навигация в Португалию на протяжении всего этого времени не прекращалась. Окончательно развеять ложные сведения и внести ясность сумел чрезвычайный посланник Португальского королевства в Голландии Д.Мендоца. Возложив на себя все бремя ответственности, он официально заявил: «Объявляем сим, что слух, который носится в северных странах без всякого основания и без резону, якобы в Королевстве португальском нанесенное моровое поветрие имеется, о чем токмо чрез одно письмо из Гишпаний известие получено, но на прошлой почте оное весьма опровергнуто от тех самих, которые оное письмо в Голландии писали, и понеже просили нас о сем объявлении для продолжения купечества в те порты, в которых по помянутому слуху некоторую трудность чинят, того ради на то мы соизволили объявить еще под присягой и под свидетельством нашего характера, что с божьей помощью все Королевство португальское чрез многие лета без всякого поветрия находится»¹³.

⁹ Там же, д. 473, л. 1–2, 10.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Там же, л. 10.

¹² Там же, л. 26 об.–28, 30 об.–31.

¹³ Там же, л. 31–32 об.

Ручательство Мендоцы совершенно убедило в том, что для России на тот момент не существовало угрозы занесения из Португалии опасной инфекционной болезни. Следовательно, необходимости в принятых тогда мерах предосторожности не было. На примере описанного случая видно, насколько серьезно в России XVIII в. относились к известиям о вспышках «морových поветрий» за ее пределами. Несмотря на то что подобная информация не всегда соответствовала действительности, нельзя не отметить оперативность, с которой реагировали на нее органы государственной власти.

Отдельное внимание стоит уделить документу, из содержания которого вытекает, что в России проявляли интерес к профилактическим и противоэпидемическим мероприятиям, проводимым в соседних странах. В доказательство этих слов приведем текст полностью: «Сего 1728 года июня 7 дня, в промемории из Коллегии иностранных дел в Адмиралтейскую коллегию писано о моровой болезни в Англии, також и в Голландии, и при оной сообщены выписки из донесений российских министров, обретающихся при иностранных дворах, а ныне в полученных еще в Коллегии иностранных дел реляциях тайный советник и полномочный министр граф Иван Гаврилович Головкин и агент Фанденбург, обретающиеся в Голландии, доносили, каким образом в Голландии и в Англии с приходящими кораблями по причине в море и Цанте морового поветрия из Архипелага и из других мест в адмиралтействах тамо поступают, из которых реляций Коллегия иностранных дел запотребно рассудила Адмиралтейской коллегии для учинения в том во оной надлежащей предосторожности сообщить при сем выписку» [12].

При чтении данного документа возникает вопрос: применялся ли в российской практике зарубежный опыт проведения мероприятий по предупреждению и борьбе с инфекционными заболеваниями? Прежде чем ответить на него, обратимся к вышеупомянутой реляции графа И.Г.Головкина (1687—1734). В ней говорилось о том, что английский король

Георг II (1727—1760) распорядился вооружить корабли и использовать их в целях недопущения привоза товаров из зачумленного Леванта [12]. Отметим, что подобные морские патрули действовали и в России, оберегая ее территориальные воды от проникновения судов, неблагополучных в эпидемическом отношении. Так, летом 1721 г. в разгар «морového поветрия» во Франции¹⁴ в бассейне Балтийского моря нес дозорную службу большой бот. В задачу его команды входило «проведывание и опрашивание в море, и осмотр на приходящих из-за границы на кораблях приезжих людях моровой язвы»¹⁵. Об эффективности патрулирования в предупреждении распространения опасных инфекционных заболеваний свидетельствует такой пример: в 1781 г. в ходе очередного крейсерства был задержан и не допущен в акваторию Финского залива зараженный голландский фрегат¹⁶.

Изучение доступных сведений не дало однозначного ответа на поставленный вопрос. Однако оно привело к мнению, что в области противоэпидемической защиты Россия и европейские государства взаимодействовали друг с другом. В качестве аргумента приведем выдержку из промемории Коллегии иностранных дел от 18 декабря 1726 г.: «Его Королевское Величество Прусское желает ведать, в чем предосторожность с российской стороны подлинно состоять имеет, и какое о том всем здесь определение чинено, чтоб и с его королевской стороны в Пруссию и Померанию потребные указы по изобретению послать могли»¹⁷.

В процессе исследования опубликованных источников и архивных материалов по истории развития противоэпидемического обеспечения отечественного флота в XVIII в. было замечено, что многие из них повествовали о «моровой язве», которая неоднократно появлялась на юге страны, в чем, согласно З.Х.Гозеву [5],

¹⁴ Там же, оп. 1, д. 1370, л. 257.

¹⁵ Там же, ф. 234, оп. 1, д. 40, л. 182.

¹⁶ Там же, ф. 172 (Канцелярия вице-президента Адмиралтейств-коллегии генерал-фельдмаршала И.Г.Чернышева), оп. 1, д. 222, л. 3.

¹⁷ Там же, ф. 212, оп. 11, д. 473, л. 1 об.

сказывалась территориальная близость Российской империи к Турции. Так, во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. чума из Турции проникла в Украину. В течение следующей Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. она, охватив Молдавию, Валахию, Польшу и Украину, распространилась в юго-западной и центральной частях России. При этом эпидемия чумы, свирепствовавшая в Москве в 1771–1773 гг., по мнению ряда авторов, стала наиболее крупной и трагичной из тех, которые вспыхивали в России в XVIII в. [2].

В 1783 г. чума из Турции была занесена в Херсон. Участвовавший в борьбе против нее доктор Э.В.Дримпельман (1758–1830) вспоминал: «Меня назначили в устроенный в двух верстах от Херсона и определенный для приема зараженных карантин, в котором уже погибло несколько врачей. Здесь увидел я страдание, отчаяние и уныние среди нескольких сот людей, положение которых настоятельно требовало сочувствия того, кто едва был в состоянии подать им помощь» [9].

Незадолго перед тем чума проявила себя в Кафе, где ею заболели члены экипажа фрегата «Крым». Описание данного случая сохранилось в мемуарах адмирала Д.Н.Сенявина (1763–1831). Оно представляет определенную ценность, поскольку проливает свет на порядок проведения противоэпидемических мероприятий во время морского похода. «В последних числах октября (1782 г. — А. К.), — писал Д.Н.Сенявин, — снялись мы с якоря, и пришли в Кафу очень скоро, ездили на берег беспрестанно, и делали всякие покупки без всякой осторожности от заразительной болезни. 1-го числа ноября перед вечером вдруг оказалась у нас на фрегате чума. Бригадир в тот же час переехал на корабль «Хотин», бывший тогда с нами, и приказал нам всех заразившихся свезти на берег, и устроить для них там из парусов палатки, а потом немедленно идти в Керчь, остановиться в удобном месте, и возможно ближе к берегу устроить из парусов баню и палатки для жительства людей, и окуривать все беспрестанно. В последующую ночь построили мы две палатки, и перевезли

всех заразившихся числом до 60 человек. Поутру снялись с якоря, а ввечеру были у Керчи на месте; немедленно отвязали паруса, построили на берегу баню, кухню, палаток достаточное число для служителей, и перевезли всю команду на берег. Около 15-го числа чума у нас вовсе прекратилась, похитив в это короткое двухнедельное время более 110 человек, из оставленных в Кафе выздоровело только двое» [8]. Из вышеизложенного явствует, что во избежание распространения опасного инфекционного заболевания, появившегося на судне во время морского похода, заразных больных изолировали, затем эвакуировали на берег, где для них организовывали карантин, остальных членов экипажа размещали в палаточном лагере, в котором они проходили санитарную обработку и дезинфицировали предметы, находившиеся в эпидемическом очаге.

Составить понятие об организации противоэпидемического обеспечения отечественного флота в условиях военного времени позволяет документ, обнаруженный среди делопроизводственных материалов Черноморского адмиралтейского правления, отложившихся в архиве Военно-морского флота. Хронологически документ относится к периоду Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и являет собой инструкцию, данную командирам эскадр Черноморского флота «для предохранения от язвы». Однако указания, приведенные в нем, носили универсальный характер, т. е. в случае необходимости они могли применяться и в Балтийском флоте.

Первое указание предписывало выделить из состава каждой эскадры два судна и использовать одно из них для изолированного содержания инфекционных больных, а другое — для размещения лиц, подвергшихся риску заражения, когда, например, участвовали в рукопашном бою с неприятелем, брали пленных, или сходили на вражеский берег. Если у человека, находившегося на втором судне, появились признаки эпидемической болезни, его надлежало немедленно перевезти на первое судно. Следующее указание касалось захваченных у турок ко-

раблей и прочих трофеев: их в сопровождении вооруженного конвоя требовалось отправить в карантин. При этом отдельно отмечалось, что «на взятые призы не посылать шлюпок ни под каким видом без особого дозволения от главнокомандующего». Далее в инструкции говорилось об обязательных для соблюдения на кораблях мерах предосторожности от «моровой язвы». Инструкция гласила: «Во время заразы шмотки, приходящие с других судов, окуривать, и без крайней нужды людей не впускать на корабль, бумаги и вещи привозимые окуривать, и на всех судах иметь палки с расщепом для принятия бумаг и курительной серы и ладану для окуривания»¹⁸. В конце рассматриваемого документа давалось указание руководствоваться высочайше утвержденным 6 мая 1786 г. «Положением о карантинном доме на острове Сескар» [14]. О том, что это был за нормативный акт, нужно сказать отдельно.

«Положение о карантинном доме на острове Сескар» являлось сводом карантинных правил, призванных не допустить проникновения на территорию России опасных инфекционных заболеваний, в распространении которых могли участвовать корабли [11]. Не исключено, что на его создание повлиял инцидент, произошедший в Марселе с русским шкипером, которого заключили под стражу за то, что он нарушил условия карантина. Екатерина II, узнав об этом, 22 декабря 1785 г. постановила, «дабы начальники судов российских в портах иностранных беспрекословно повиновались карантинным учреждениям, какие где узаконены»¹⁹.

Действие исследуемого документа одинаково распространялось как на военные, так и на торговые корабли отечественного флота: «Корабли военные и торговые, мореходные суда, идущие из мест сумнительных или заразе часто подверженных в порты Санкт-Петербургский или Кронштадтский, должны выдерживать карантин в учрежденном для сего доме карантинном на острове Сескар;

не приставать ни к какому иному месту, но идти прямо к острову Сескару» [16].

Не лишним будет отметить, что созданные по указу императора Павла I карантин в Очакове, Севастополе, Феодосии, Евпатории и Керчи также руководствовались в своей деятельности «Положением о карантинном доме на острове Сескар» [14]. Однако практика применения на юге Российской империи правил, изложенных в данном документе, убеждала в необходимости разработки новых, более совершенных карантинных правил, поскольку имеющиеся не являлись универсальными. В качестве иллюстрации приведем выдержку из донесения вице-адмирала Н.С.Мордвинова (1754–1845) в Адмиралтейств-коллегию от 2 июня 1797 г.: «Все оные называемые карантинные дома следуют положению сескарскому 1786 года. Вероятно, что устав сей недостаточен для края, в который все суда приходят из чумных мест или имеют сообщения с местами, подверженными оному, проходя через Архипелаг и Царьградский пролив. В помянутом уставе сказано, чтобы суда, имеющие чуму, сжигать. Напротив того, при всех карантинных домах Средиземного моря для производящих торг с Левантом устроены особые пристанища, при коих зараженные суда безопасно пребывать могут и очищаться от сего заразительного зла»²⁰.

С восшествием на престол императора Александра I «Положение о карантинном доме на острове Сескар» заменили «Уставом пограничных и портовых карантинных», ставшим результатом обобщения опыта профилактики и борьбы с заразными болезнями, накопленного в XVIII в. [18]. В 1803 г. деятельность сескарского карантина прекратилась [7].

Необходимо отметить, что противоэпидемическое обеспечение отечественного флота в XVIII в. являлось частью государственных мер по охране территории Российской империи от проникновения опасных инфекционных заболеваний. Понимая, какую роль флот мог играть в распространении инфекции, руководство страны

¹⁸ РГА ВМФ, ф. 245 (Черноморское адмиралтейское правление. Херсон, Николаев), оп. 1, д. 21, л. 3 об.

¹⁹ Там же, д. 2, л. 17.

²⁰ РГА ВМФ, ф. 198 (Канцелярия вице-президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Г.Г.Кушелева), оп. 1, д. 62, л. 188.

стремилось предупредить ее занесение со стороны моря. Следуя этой задаче, оно создавало на основных путях движения судов особые стоянки с определенным штатом служащих, призванных задерживать на карантин корабли, идущие из неблагоприятных в эпидемическом отношении районов. Кроме того, были разработаны противоэпидемические правила, которые, в частности, предписывали сжигать отечественные суда, перевозившие заразных больных. Соответствующим указом Петра I вводилось обязательное извещение флотского начальства о всех случаях скоропостижной смерти и «об умерших от язв».

Как удалось выяснить, развитие методов противоэпидемической защиты проходило в обстановке сотрудничества России с европейскими державами в сфере профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями. Данное сотрудничество строилось на уважении права других стран на санитарную охрану своих границ. Важно также подчеркнуть, что в XVIII в. происходило зарождение отечественной эпидемиологии, менялись представления о возбудителях инфекции и факторах их передачи, совершенствовались методы борьбы с заразными болезнями, в т. ч. применявшиеся на флоте.

Литература

1. *Болдырев В.Г.* Осада и взятие Риги русскими войсками в 1709–1710 гг. (С кратким очерком ее исторического прошлого от основания до 1709 г.) // Военный сборник. – 1910. – № 7. – С. 75.

2. *Брикнер А.Г.* О чуме в Москве 1771 года // Русский вестник. – 1884. – Сентябрь. – С. 5–48; Октябрь. – С. 502–568.

3. Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны: Исторические очерки, документы, материалы. – Калининград, 1996. – С. 196.

4. *Гельмс И.А.* Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги и того, что случилось со дня ее блокады, а также во время жестокой бомбардировки и обстреливания ее в 1709 г. до сдачи ее в 1710 г., изо дня в день замечено и описано Иоакимом Андреем Гельмсом, который лично выдержал эту тяжкую осаду и из одиннадцати лиц своего дома один остался в живых // Сб. мат. и ст. по истории Прибалтийского края. – Рига, 1879. – Т. II. – С. 426–427, 438.

5. *Гозевер З.Х.* Чума: История, сущность и борьба с ней. – М., 1897. – С. 4.

6. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. – М., 1838. – Т. 4. – С. 144, 146.

7. *Груздев В.Ф.* Материалы по организации медицинской службы в русском военно-морском флоте (1725–1860 гг.). – Л., 1959. – С. 40.

8. Записки адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина // Морской сборник. – 1913. – № 7. – С. 19–20.

9. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // Русский архив. – 1881. – Т. 1. – С. 33.

10. *Змеев Л.Ф.* Наши первые карантинные не там, где их искали. – СПб, 1888. – С. 2.

11. *Костюк А.В.* «Положение о карантинном доме на острове Сескар» 1786 г. как источник для изучения организации деятельности карантинных в XVIII в. // Вестник морского врача. – 2009. – № 7. – С. 22–25.

12. *Михайлов С.С.* Медицинская служба русского флота в XVIII веке. – Л., 1957. – С. 196–198, 213–214.

13. Очерки истории Восточной Пруссии. – Калининград, 2002. – С. 120.

14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб, 1830. – Т. XII. – С. 71–72 (№ 8910); Т. XXII. – С. 584 (№ 16390); Т. XXIII. – С. 436–438 (№ 17131).

15. *Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.Н., Соколов Ю.Ф.* История Северной войны 1700–1721 гг. – М., 1987. – С. 92.

16. Собрание российских законов о медицинском управлении с 1730 по 1812 год / Сост. *Е.Петров.* – СПб, 1828. – Ч. II. – С. 205.

17. *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы. – М., 2006. – Т. 1. – С. 203–208.

18. Устав пограничных и портовых карантинных. – СПб, 1801.

19. Часть вторая регламента морского, в которой определено о всем, что касается доброго управления в бытность флота в порте, також о содержании портов и рейдов. – СПб, 1722. – Гл. I. – Арт. 13; Гл. XVI. – Арт. 10–11.